

Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире

Алексей Владимирович Куприянов, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Глеб Григорьевич Макаревич, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: a.kupriyanov@imemo.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются инструменты и механизмы, которые индийские политические элиты применяли для адаптации внешнеполитической стратегии по окончании холодной войны. Авторы кратко описывают внутриполитическое развитие Индии за последние 30 лет, отмечая, что, несмотря на неоднократный переход власти от одной коалиции к другой, общая внешнеполитическая и экономическая линии оставались неизменными благодаря межпартийному консенсусу, обеспечивавшему преемственность курса. Особое внимание уделяется стремлению индийского руководства сформировать мощный экономический базис, воспринимаемый в рамках стратегической мысли Индии как обязательное условие, позволяющее стране претендовать на статус великой державы. Авторы утверждают, что индийские элиты после 1991 г. взяли курс на выстраивание сферы влияния, которая должна была стать экономической, политической и военной основой для превращения Индии в один из полюсов полицентричного мира. Выделяются ключевые для индийской внешней политики направления (Южная Азия, Юго-Восточная Азия, регион Индийского океана, Ближний Восток) и отмечается, что основные внешние вызовы безопасности Индии остались прежними (Китай и Пакистан), хотя изменились качественно: КНР стала одной из сверхдержав, обогнав Индию по уровню экономического развития, а Пакистан обзавелся ядерным оружием. Авторы приходят к выводу, что в целом индийские элиты сумели сравнительно благополучно провести страну через хаос первых десятилетий постбиполярного мира, превратив ее в одну из крупнейших экономик мира и обеспечив необходимые условия для повышения статуса в мировой политике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Индия, экономика, внешняя политика, Китай, Нарендра Моди

По окончании холодной войны Индия, как и многие другие страны мира, столкнулась с серьезной внешнеполитической проблемой: потеряла смысл внешнеполитическая линия, которой до этого придерживался Нью-Дели. Позиционируя себя как одного из лидеров Движения неприсоединения, Индия стремилась набирать политические очки при помощи призывов к разоружению и примирению, укрепляя в то же время связи с обеими враждующими сторонами и сравнительно недавно освободившимися африканскими и азиатскими государствами в расчете на повышение международного статуса и вступление в клуб великих держав. К началу 1990-х гг. Индия благодаря своей удачной внешней политике вплотную приблизилась к этой цели, но неожиданный конец холодной войны разрушил все планы индийских политических элит, привыкших к биполярности и воспринимавших ее как устойчивое состояние международных отношений. В течение последних десятилетий Индия, сохраняя формальный нейтралитет, явно сближалась с Советским Союзом и другими социалистическими странами, оказывая им международную поддержку (в частности, отказавшись осудить ввод советских войск в Афганистан).

С распадом Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи Нью-Дели оказался в непростой ситуации: Индия, десятилетиями стремившаяся к утверждению в статусе великой державы, не могла и не хотела идти по пути, который выбрали многие бывшие союзники СССР, предавшие коммунистические элиты суду и люстрации и перешедшие на сторону победителя. Подобный курс означал бы потерю авторитета прогрессивной державы,работанного Индией с начала 1970-х гг.

На геополитические изменения наложилось также внутривнутриполитические и внутриэкономические проблемы в самой стране. Обвинения руководства партии Индийский национальный конгресс (ИНК) в коррупции, напряженные отношения с Пакистаном, неоднозначная реакция в обществе на участие индийских вооруженных сил в военном конфликте на Шри-Ланке, рост центробежных тенденций внутри страны привел к поражению ИНК на выборах в 1989 г., а после возвращения ИНК к власти в 1991 г. остро поставил перед его руководством вопрос о необходимости переосмысления социально-экономической политики, а также регионального и глобального измерений внешней политики¹.

Настоящая статья посвящена анализу процесса поиска Индией своего места в мире в течение последних тридцати лет. В ней исследуются шаги, которые предпринимали политические элиты Индии для того, чтобы интегрироваться в новый международный порядок, сложившийся после холодной войны, и извлечь из него максимальную выгоду; рассматриваются модели, внутренние и внешние причины поведения этих элит; анализируются применяемые ими внешнеполитические инструменты, позволившие Индии не только благополучно преодолеть тридцатилетие неопределенности, но и претендовать на роль одного из столпов нового мирового порядка.

Выбор методологической основы для исследования современной индийской политики связан с определенными проблемами: традиционные западные теории

1 Белокреницкий et al. 2003, 65.

международных отношений (МО) ограниченно пригодны для анализа поведения восточных обществ. Да, Индия, равно как Китай и Япония, подверглась глубокой вестернизации в XIX–XX вв.; однако поведение ее элит объяснимо в рамках политического реализма или институционального либерализма лишь в той степени, в какой эти элиты заимствовали идеи реализма или идеализма из европейской политической теории и практики. К примеру, индийские элиты не воспринимают отношения Китая и Индии ни как игру с нулевой суммой, ни как пример растущей взаимозависимости, приводящей к минимализации конфликтов; для них это естественное сосуществование двух великих государств-цивилизаций, теснейшим образом связанных культурно и экономически и определяющих границы взаимного влияния. При этом учитывается факт существования малых государств, не менее древних, чем Индия и Китай, которые либо сохраняют независимость, либо включаются в состав этих гигантских цивилизационных политий, укрепляя в то же время культурную самобытность.

Наиболее подходящими для анализа индийской внешней политики представляются критическая теория и отдельные направления конструктивизма. Так, интерес представляет критическая геополитика, основные положения которой представлены в работах Дж. Тоала¹ и Дж. Эгнью², позволяющая проанализировать формирование геополитических представлений индийских элит в новейшее время (в частности, повышенное внимание к экономическим аспектам внешнеполитической деятельности и новейший индийский геополитический конструкт – концепцию Индо-Пацифики). Для анализа применима концепция стратегической культуры, изложенная в работах И. Джонсона³, К. Грея⁴, П. Катценштайна⁵ и других исследователей, предполагающая наличие определенной среды, ограничивающей модели поведения политических элит, находящихся под влиянием исторического опыта, представлений и предрассудков, сложившихся в ходе существования определенного общества. Концепция стратегической культуры, таким образом, требует системного использования исторических и социологических методов исследования, то есть включения в набор инструментов исторической социологии международных отношений – направления исследований МО, разработанного в трудах Дж. Хобсона⁶, С. Хобдена⁷, Дж. Лоусона⁸ и др. Это позволяет нам избавиться от свойственных традиционным концепциям МО хронофетишизма и темпоцентризма⁹, рассматривая последнее тридцатилетие развития Индии как часть долгого исторического пути. В итоге мы анализируем новейшую индийскую внешнюю политику, учитывая исторический опыт, приобретенный индийскими элитами, их представления о месте Индии в мире и ее внешнеполитических императивах, сложившихся в рамках системы представ-

1 Ó Tuathail 1995.

2 Ó Tuathail, Agnew 1992.

3 Johnston 1995.

4 Gray 1986.

5 Katzenstein 1998.

6 Hobson 2002.

7 Hobden 1998.

8 Lawson 2006.

9 Хронофетишизм – модель рассуждения, предполагающая, что происходящие в настоящем события и процессы являются неизменными и могут быть адекватно поняты без представления об историческом развитии ситуации; темпоцентризм – применение существующих в настоящем представлений к прошлому без учета специфики исторического процесса.

лений, присущей социуму, продуктом которого они являются, и под влиянием внешнего воздействия. В то же время критический анализ их целей и устремлений помогает понять, чем руководствуются эти элиты, предпринимая те или иные действия на внешнеполитической арене.

Статья состоит из четырех частей: в первой части дается краткий очерк постбиполярной истории, во второй – анализируется развитие индийской экономики, которое в представлении политических элит Нью-Дели является основой для того, чтобы претендовать на роль великой державы (а в перспективе – и сверхдержавы); в третьей – главные императивы индийской внешней политики как на общемировом, так и на региональном уровнях; в четвертой – внешние вызовы, стоящие сегодня перед Индией.

Обзор литературы

За последнее тридцатилетие появилось множество работ, описывающих экономические, внешне- и внутривнутриполитические аспекты развития Индии в этот период. Однако до сих пор не вышло ни одной публикации, в которой бы обзорно давался комплексный анализ развития страны.

Среди имеющихся работ можно отметить любопытное расхождение в предмете изучения: если исследования зарубежных англоязычных авторов сконцентрированы в основном на проблемах экономики и внешней политики¹ и призваны объяснить для западного читателя индийское «экономическое чудо»², а также обрисовать предполагаемый дальнейший внешнеполитический курс Индии, то индийские авторы, также активно анализирующие экономические и внешнеполитические вопросы³, уделяют большее внимание проблемам внутренней политики⁴. Это вполне объяснимо: большинство их работ написано с целью критики либо защиты действующей власти, как следствие, оценки деятельности ныне живущих политиков, в частности Н. Моди и М. Сингха, кардинально разнятся. В последние десятилетия наблюдается резкое увеличение числа публикаций индийских авторов по сравнению с предшествующим периодом; индийцы зачастую выступают соавторами издаваемых на Западе работ, и западный читатель все чаще смотрит на Индию глазами ее уроженцев, невольно становясь пассивным участником политической борьбы, в рамках которой пишутся эти книги и статьи.

Особняком стоят работы, авторы которых концентрируются на жизнеописаниях премьер-министров, анализируя деятельность возглавляемых ими правительств. Таковы книги В. Ситапати, посвященные жизни и деятельности Н. Рао⁵, многочисленные апологетические биографии А.Б. Ваджапай⁶, работы, анализирующие два премьерских срока М. Сингха (из них наиболее яркой является нашумевшая книга С. Бару⁷), и публикуемые ежегодно книги, посвященные дей-

1 Hansel et al. 2017; Wojczewski 2018.

2 McCartney 2019; Kennedy 2013; Zajackowski et al. 2014; Luce 2008.

3 Banerjee et al. 2018; Varma 2019; Tharoor, Saran 2020; Gupta, Shukla 2009.

4 Guha 2012; Sharma 2015.

5 Sitapati 2016; Sitapati 2018.

6 Thakur, Sharma 1999.

7 Baru 2014.

ствующему премьеру – от восторженных до резко критических, среди которых можно выделить работу Б. Карнада¹. Сам стиль этих работ позволяет провести границу, отделяющую для индийцев историю от современности: если покойные Н. Рао и А.Б. Ваджпай предстают в абсолютном большинстве исследований идеальными политическими деятелями, совершавшими незначительные ошибки, то периоды правления Сингха и Моди уже являются областью актуальной политики, а не истории и обсуждаются очень горячо. Особняком стоят труды российских ученых, публикующих как работы по конкретным направлениям развития Индии, так и обзорные труды, посвященные новейшей истории страны. Можно отметить известное тяготение отечественной индологии к истории. Хотя такой подход в целом представляется логичным и оправданным, в условиях, когда отечественная индологическая школа еще не оправилась от последствий постсоветского кризиса, он приводит к тому, что российские ученые публикуют гораздо меньше работ, посвященных современному развитию Индии. При этом работы отечественных исследователей в целом отличаются стремлением к комплексному подходу, которого не хватает многим англоязычным авторам². Тем не менее даже работы, в которых наиболее полно рассматриваются все аспекты развития Индии, хронологически не охватывают весь постбиполярный период.

Этапы постбиполярной истории

В целом в истории Индии после холодной войны можно выделить несколько крупных этапов: 1991–1996 гг. – правительство Н. Рао (ИНК), 1998–2004 гг. – правительство А.Б. Ваджпай (БДП), 2004–2014 гг. – правительство М. Сингха (ИНК), с 2014 г. по настоящее время – правительство Н. Моди (БДП).

Правительство Н. Рао (1991–1996): экономические реформы и смена внешнеполитических ориентиров

Пришедшее к власти в 1991 г. правительство ИНК во главе с Н. Рао оказалось перед двойным вызовом: необходимостью, с одной стороны, искать новую внешнеполитическую модель взаимодействия с другими странами, а с другой – проводить реформы, которые помогли бы вписать Индию в новую общемировую экономическую либеральную модель. В отличие от России индийское руководство, традиционно бережно относившееся к сохранению социально значимых сфер и инструментов экономического развития, выбрало так называемый «срединный путь» реформ, направленный на ускорение экономического роста с учетом индийских традиций государственного регулирования. Уже при Н. Рао были заложены основные векторы внешней политики Индии в постбиполярную эпоху – прежде всего развитие отношений с АСЕАН (*Look East Policy*), Японией и Южной Кореей на востоке, призванное привлечь в индийскую экономику инвестиции и технологии «азиатских тигров» и других мощных азиатских экономик. Кроме того, Индия, невзирая на то, что ситуация на Ближнем Востоке для нее

¹ Karnad 2018.

² Из десятков трудов отечественных индологов, вышедших за последние десятилетия, хотелось бы отметить следующие: Индия сегодня 2005; Юрлов, Юрлова 2010; Кузык, Шаумян 2009.

складывалась явно неблагоприятно (в первую очередь из-за того, что ее ключевой союзник в регионе, Ирак, оказался в положении международного изгоя), продолжала поддерживать режим С. Хусейна. В то же время Нью-Дели активно налаживал связи с другими региональными игроками, с которыми страна до этого контактировала сравнительно мало – прежде всего с арабскими монархиями Персидского залива, с Ираном и Израилем¹. Такая диверсификация помогла Индии обеспечить бесперебойные поставки углеводородов невзирая на падение режима С. Хусейна в 2003 г., а также расширить сферу взаимодействия с ближневосточными игроками за счет импорта высоких технологий и оружия.

*Правительство Ваджпаи (1998–2004):
демонстрация силы и стратегическая автономия*

Хотя правительство Н. Рао не проводило реформы по модели «шоковой терапии», издержки перестройки социально-экономической модели страны вызвали недовольство населения, в результате чего на выборах 1996 г. создать правительство большинства не смогла ни одна политическая сила. Лишь в 1998 г. БДП (*Bharatiya Janata Party*; Индийская народная партия), правой партии религиозно-националистического толка, удалось сформировать правительство большинства под руководством А.Б. Ваджпаи². Однако правительство партии, открыто поддерживающей идеологию «хиндутвы» (индусского национализма) и играющей на противоречиях между индусским большинством и этноконфессиональными меньшинствами в Индии, не стало радикально менять внешнюю политику, опираясь на сложившийся «надпартийный консенсус» в определении национальных интересов государства³. Первое правительство БДП продолжило традиционный курс на стратегическую автономию во избежание открытого конфликта с США как глобальным центром силы, что могло бы подорвать ее возможности по модернизации страны и превращения ее в великую державу. При этом именно на период правления БДП приходится ряд важных шагов, существенно упрочивших положение Нью-Дели как важного мирового игрока. Речь идет прежде всего об испытаниях ядерного оружия в 1998 г., после чего Индия открыто вступила в ряды ядерного клуба, не будучи при этом участницей Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г.

*Правительство Сингха (2004–2014):
стремительный экономический рост и сближение с США*

Продолжая политику стимулирования экономического роста, лидеры БДП недооценили значение избирателей, представляющих аграрный сектор экономики, сделав в своей программе упор на развитие городов. Этим воспользовались противники БДП из Объединенного прогрессивного альянса (ОПА) (*United Progressive Alliance, UPA*) во главе с ИНК, предложив продуманную стратегию поддержки аграрного сектора, которая включала инвестиционные программы,

1 Sanjaya Baru, "Narasimhanomics and the Middle Way," *The Hindu*, April 2, 2016, accessed April 26, 2021, <https://www.thehindu.com/opinion/lead/narasimhanomics-and-the-middle-way/article7061858.ece>.

2 "Bharatiya Janata Party," *Britannica*, March, 29, 2021, accessed April 26, 2021, <https://www.britannica.com/topic/Bharatiya-Janata-Party>.

3 Лунев 2010.

упрощение кредитования, улучшение инфраструктуры на селе¹. После победы ОПА на выборах лидер ИНК С. Ганди отказалась от поста премьер-министра в пользу М. Сингха, занимавшего ранее пост министра финансов и считавшегося «архитектором реформ» при Н. Рао.

Быстрый рост ВВП Индии во время первого срока правительства Сингха, ставший результатом проведенных правительствами Рао и Ваджпаи реформ, помог ИНК одержать убедительную победу на очередных выборах. Однако вскоре коалиция во главе с ИНК столкнулась с кризисными явлениями в индийской экономике, ставшими отголоском мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Темпы роста начали замедляться, а коррупционные скандалы в верхних эшелонах власти², помноженные на непотический характер власти в ИНК (называть Конгресс партией «династии Неру-Ганди» стали не только его политические противники, но и простые обыватели), усугубили ситуацию. Неоднозначную реакцию вызывала и внешняя политика Сингха, нацеленная на сближение с США: премьер-министра обвиняли в том, что он готов пожертвовать интересами Индии ради благосклонности Вашингтона. Низкий авторитет руководства ИНК сыграл на руку БДП, лидером которой по итогам внутрипартийной борьбы к тому моменту стал яркий харизматик «из народа», торговец чаем (*chaai-vaalaa*) Н. Моды, заслуживший репутацию «премьера большинства».

Нарендра Моды: возвращение к корням

Авторитет национального лидера, выступающего на языке хинди и защищающего индусские ценности, принимающего волевые решения в кризисных ситуациях и берущего на себя всю ответственность за происходящее в стране³, позволили БДП не только остаться у власти по итогам первого срока, но даже улучшить свой результат на всеобщих выборах 2019 г., хотя темпы роста ВВП продолжали падать. Еще до оглашения результатов выборов в 2019 г. председатель БДП А. Шах заявил, что БДП не только одержит победу, но и останется у власти ближайшие 50 лет⁴. Несмотря на существующие в кругах индийской интеллигенции опасения по поводу отхода от секуляризма, роста религиозной нетерпимости и авторитарных тенденций⁵, правительство Н. Моды сохраняет поддержку большинства населения, которому импонирует риторика и действия премьер-министра.

Индийская экономика: база для развития

Индийские политические элиты изначально относились к экономическому развитию крайне внимательно, видя в нем необходимую базу для превращения

- 1 "Congress Party Rule Under Manmohan Singh," Britannica, accessed April 26, 2021, <https://www.britannica.com/place/India/Congress-Party-rule-under-Manmohan-Singh>.
- 2 Seshadri Chari, "What separates Modi's NDA from Manmohan Singh's UPA – Chidambaram's arrest," The Print August 23, 2019, accessed April 26, 2021, <https://theprint.in/opinion/what-separates-modis-nda-from-manmohan-singhs-upa-chidambarams-arrest/280964/>.
- 3 Kaveree Bamzai, "What if Coronavirus had hit India under Manmohan Singh, not Modi," The Print, April 8, 2020, accessed April 26, 2021, <https://theprint.in/opinion/if-coronavirus-crisis-hit-india-under-manmohan-singh-not-modi/397338/>.
- 4 " 'BJP will win 2019; will rule for next 50 years': Amit Shah," Hindustan Times, September 9, 2018, accessed April 26, 2021, <https://www.hindustantimes.com/india-news/bjp-will-win-2019-will-rule-for-next-50-years-amit-shah/story-uqbwtVtGU1osylxqZ19XKP.html>.
- 5 Kapil Komireddi, "Five More Years of Narendra Modi will Take India to a Dark Place," The Guardian, May 21, 2019, accessed April 26, 2021, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/may/21/five-more-years-narendra-modi-india-dark-place>.

Индии в великую державу. В значительной степени это было связано с самим генезисом индийского освободительного движения, опиравшегося на финансовую поддержку национальной буржуазии и находившегося под сильным влиянием западных политико-экономических идей, в частности марксизма, постулировавшего важность экономического базиса. Многие лидеры первого поколения политических элит независимой Индии, включая самого премьер-министра Д. Неру и его ближайшего советника К. Менона, симпатизировали социалистическим идеям, доказавшим свою жизнеспособность на примере СССР и набравшим после Второй мировой войны популярность в Великобритании.

Развитие индийской экономики после обретения независимости в 1947 г. отличалось высокой степенью регулирования, что выражалось в сравнительно жестком планировании и распространении госсектора на тяжелую промышленность, поскольку частный сектор был относительно слаб, а от колониального прошлого остались значительные структурные диспропорции, которые могли стать причиной социальных противоречий. Но уже к концу 1980-х гг. государственный сектор стал скорее пассивным, нежели производительным активом: значительная часть предприятий была либо низкорентабельной, либо убыточной; защита от рыночной конкуренции за счет субсидирования предприятий не поощряла новаторских инициатив; разросшийся административно-бюрократический аппарат не был способен принимать взвешенные решения по поводу дальнейшего развития¹.

В июле 1991 г. правительство Н. Рао приступило к программе либерализации экономики, что выразилось в открытии внутреннего рынка для иностранных товаров и услуг, введении частичной конвертируемости национальной валюты, привлечении иностранного капитала и новых технологий, а также в расширении частного сектора, реформировании налоговой и кредитной систем². Одним из ключевых компонентов программы являлось ослабление системы предварительного одобрения бизнес-решений индийским правительством (так называемая *Licence Raj*), в результате чего у индийских предприятий в таких отраслях, как фармацевтика, электроэнергетика, нефтепереработка, производство компьютеров и комплектующих, транспортная инфраструктура, появилась возможность привлекать прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в размере 100 процентов уставного капитала. Умеренной либерализации подвергся банковский сектор и воздушный транспорт (ПИИ – до 74% уставного капитала); телекоммуникаций и страхового сектора либерализация коснулась в меньшей степени (ПИИ – до 26% уставного капитала)³. Результатом комплексной либерализации индийской экономики стал ежегодный прирост валового внутреннего продукта (ВВП) от 6 до 8 процентных пунктов в некризисные годы первого десятилетия XXI в.⁴, что обеспечило Индии звание третьей экономики мира в расчете ВВП по паритету покупательной способности (ППС)⁵.

1 Медовой, Галищева 2009, 84–90.

2 Галищева 2015.

3 Галищева 2017.

4 "GDP Growth (annual %)," The World Bank Group, accessed April 26, 2021, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>.

5 "GDP, PPP (current international \$)," The World Bank Group, accessed April 26, 2021, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD>.

На протяжении всего пореформенного периода индийское правительство поддерживало курс на постепенную либерализацию экономики, оставляя за собой возможность вмешательства для предотвращения структурных кризисов, провоцирующих социальное напряжение. Экономический курс Н. Моды («Модиника»), нацеленный на бурный экономический рост после замедления роста ВВП во время второго срока М. Сингха, вполне соответствует традиционной экономической стратегии индийского правительства. При этом Н. Моди объявил о ликвидации Плановой комиссии Индии, с 1950 г. разработавшей 12 пятилетних планов экономического развития, заменив ее Национальным институтом трансформации Индии (*National Institute for Transforming India, NITI Aayog*), где разрабатываются стратегии по ключевым вопросам экономики и политики¹. Это важный шаг, призванный продемонстрировать гибкость кабинета Н. Моды в том, что касается принятия стратегических решений.

Самой значимой инициативой правительства БДП стала программа «Делай в Индии» (*Make in India*), рассчитанная на привлечение зарубежных инвестиций, появление инноваций, развитие навыков сотрудников в ключевых отраслях экономики. В рамках программы у зарубежных инвесторов появилась возможность вкладывать средства в индийский военно-промышленный комплекс (ВПК), железнодорожное строительство, исследования космоса и розничную торговлю². Хотя, согласно ряду оценок, Н. Моди не удалось в полной мере выполнить амбициозные планы, представленные избирателю еще во время предвыборной кампании 2014 г.³, запас доверия к нему оказался столь высок, что правительство шло на решительные, хоть и непопулярные, экономические меры: был произведен вывод из обращения купюр достоинством в 500 и 1000 рупий, призванный побороть коррупцию и спонсирование терроризма, но ударивший по широким слоям населения⁴, а также проведена неоднозначная аграрная реформа, которая вывела на улицы Нью-Дели фермеров штатов Харьяна и Панджаб⁵.

При этом Индия, будучи полноценно встроенной в общую систему товарообмена и глобальной экономики, не может избежать влияния общемировых процессов. Так, уже отмеченный кризис 2008–2009 гг. привел к замедлению темпов роста индийской экономики, что, с учетом повышенного внимания индийского истеблишмента к экономическим показателям, было расценено как провал политики правительства М. Сингха. Аналогичным образом наблюдающееся с 2016 г. замедление темпов экономического роста расценивается многими индийскими экспертами и простыми гражданами как провал экономической политики Н. Моды и активно используется оппозицией для критики нынешнего режима.

Достигнутый за последние десятилетия уровень экономического развития и темпы роста ВВП, превышающие, несмотря на замедление, 4% в год, по всей ви-

1 Брагина 2016.

2 "About Us," Make in India, accessed April 15, 2021, <https://www.makeinindia.com/about>.

3 Maitreesh Ghatak, "Modinomics – What He Promised And What We Got," NDTV, March 27, 2019, accessed April 26, 2021, <https://www.ndtv.com/opinion/what-modinomics-delivered-a-look-before-the-elections-2012305>.

4 Mudit Kapoor, "Two Years of Demonetisation: What Did The Fight Against Black Money Achieve?" Business Today, November 11, 2018, accessed April 26, 2021, <https://www.businesstoday.in/current/economy-politics/what-has-pm-modi-done-to-fight-black-money-an-explainer/story/280890.html>.

5 Salvatore Babones, "India's Rich Farmers Are Holding Up Reforms Designed to Help the Poor," Foreign Policy, March 30, 2021, accessed April 26, 2021, <https://foreignpolicy.com/2021/03/30/modi-india-farmers-protests-agriculture-reforms-rich-versus-poor/>.

димости, рассматриваются индийским руководством как достаточные для того, чтобы позволить Индии наконец реализовать свои претензии на роль великой державы. При этом стратегия Индии (в том, что касается повышения ее статуса в мировом сообществе) коренным образом отличается от той, которую она проводила на протяжении холодной войны.

Внешняя политика Индии на региональном и макрорегиональном уровнях

Одной из основных задач, которые пришлось решать Индии в постбиполярном мире, стало переформатирование региональной системы международных отношений с целью создания среды, с опорой на которую Индия могла бы отстаивать свой статус великой державы.

В годы холодной войны Индия сравнительно мало внимания уделяла концептуализации пространства региона Южной Азии и Индийского океана. Хотя Нью-Дели регулярно вмешивался во внутренние дела соседних стран, либо поддерживая оппозиционные и сепаратистские движения, либо откликаясь на просьбу дружественных режимов о помощи, эта прагматичная политика обеспечения собственных интересов в зоне непосредственного соседства реализовывалась параллельно с главной линией на повышение статуса и налаживание связей со странами Африки и Ближнего Востока, поддержка которых была необходима для реализации амбициозных планов Индии как лидера Движения неприсоединения.

При этом индийские политические элиты не могли игнорировать угрозу, представляемую соседними государствами – Пакистаном и Китаем. Это восприятие Пекина и Исламабада как основных угроз в сфере безопасности сохранилось до сих пор.

Очерчивая постбиполярную региональную сферу интересов, индийское руководство концентрировалось на четырех направлениях: собственно Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Ближнем Востоке и морских пространствах Индийского океана. Пятое, африканское, направление воспринималось как вспомогательное. Эти направления взаимосвязаны, и зачастую деятельность на одном из них способствовала изменению ситуации на другом.

В *Южной Азии* Индия имела неоднозначную репутацию. Будучи крупнейшей державой региона, она, как указывалось выше, неоднократно вмешивалась в дела соседних стран, преследуя свои интересы. Основу для изменения этой политики заложил премьер-министр К. Гуджрал (1997–1998), сформулировавший основные принципы так называемой «доктрины Гуджрала», в соответствии с которыми Индии следовало создавать благоприятные условия для развития экономических и в перспективе политических связей с соседями, не рассчитывая на взаимность¹. Хотя эта стратегия не всегда проводилась последовательно (так, во время нахождения у власти правительства Ваджпаи министр обороны Дж. Фернандес санкционировал акции, которые можно расценить как вмеша-

1 Murthy 1999, 639–640.

тельство в дела соседних государств), к настоящему моменту Индия воспринимается в Южной Азии в целом как «доброжелательный гегемон»¹, что, разумеется, не означает отсутствия антииндийских настроений в соседних странах или периодических споров с соседями.

Важным инструментом в достижении этой цели стали интеграционные экономические объединения. Они мало напоминают привычные экономические блоки: так, главный южноазиатский интеграционный проект (Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии, СААРК) остается одной из самых слабых интеграционных группировок в мире². Основная причина – внеэкономические факторы, главными из которых является региональное противостояние Индии и Пакистана, а также нежелание малых стран Южной Азии попасть в асимметричную зависимость от Индии. Хотя образование СААРК было инициативой малых стран Южной Азии (в первую очередь Бангладеш и Непала), успех организации всегда напрямую зависел от степени готовности и вовлеченности в процесс интеграции крупных региональных игроков – Индии и Пакистана. Однако попытка повторить опыт европейской интеграции, на который в 1980-е гг. и ориентировались страны Южной Азии, оказалась безуспешной в отсутствие атмосферы взаимного доверия и готовности обсуждать не только общие региональные проблемы, но и двусторонние конфликты.

В результате за 30 лет существования СААРК было проведено 16 саммитов, на которых стороны ограничивались общими декларативными целями без твердо поставленных задач. При этом все попытки стимулировать торговлю между соседями при помощи СААРК оканчивались провалом: доля внутрирегиональной торговли (индикатор интеграции, основанный на показателях внешней торговли стран-участниц объединения и отражающий процент взаимной торговли в общем товарообороте стран-участниц) до сих пор не превышает пяти процентов³, что показывает низкую заинтересованность стран Южной Азии в развитии торговых отношений друг с другом⁴. Это объясняется не только политическими разногласиями и отсутствием четкого целеполагания, но и структурой южноазиатских экономик. Страны региона имеют сходную структуру экономики (высокая занятость населения в сельском хозяйстве, промышленный сектор в основном состоит из предприятий текстильной промышленности, сфера услуг большинства стран не отличается капиталоемкостью и наукоемкостью и в основном представлена розничной торговлей), что не предполагает стремления к синергетическому эффекту взаимодополняющих отраслей экономики – наоборот, большинство стран Южной Азии опасаются, что возможная экономическая зависимость от Индии неминуемо перерастет в политическую⁵.

Индийские политические элиты, однако, не воспринимают опыт СААРК как негативный, полагая, что при наличии в составе организации Пакистана противостояние Нью-Дели и Исламабада было неизбежным. В известной степени допол-

1 Burgess 2009.

2 Kher 2012.

3 "The Potential of Intra-regional Trade for South Asia," The World Bank Group, accessed April 26, 2021, <https://www.worldbank.org/en/news/infographic/2016/05/24/the-potential-of-intra-regional-trade-for-south-asia>.

4 Галищева 2010.

5 Галищева 2009.

нить СААРК должен БИМСТЕК – региональная организация стран Бенгальского залива, где отсутствует Пакистан и Индия играет лидирующую роль. Развитию этого блока Индия уделяет сейчас основное внимание.

Внимание к *Юго-Восточной Азии* в течение последних десятилетий реализовывалось в рамках заявленного еще при Н. Рао курса *Look East Policy* и политики *Act East Policy* (принята правительством Н. Модии), которые подразумевают концептуальное изменение самой модели отношений Индии со странами ЮВА. Если до того они интересовали Нью-Дели сравнительно мало, то в рамках нового курса эти страны превращаются в ключевых региональных партнеров. При этом традиционное нежелание Индии ассоциировать себя с той или иной группой стран предопределило концентрацию Индии на развитии двусторонних отношений со странами АСЕАН (Индонезия, Вьетнам, Мьянма), однако их сотрудничество в основном развивается в области морской инфраструктуры и поддержания безопасности в Индийском океане, а также в сфере военно-технического сотрудничества. Индия могла бы использовать свой потенциал цифровой державы, но она заинтересована в том, чтобы использовать свои ресурсы в области информационных технологий в отношениях со странами развитого Севера, что подтверждается низкими показателями торговли услугами между Индией и странами АСЕАН. Таким образом, Индия стремится скорее сохранять свое присутствие в странах Юго-Восточной Азии, чем планомерно работать над выходом отношений на принципиально иной уровень¹.

Ближневосточный вектор индийской внешней политики исторически складывался из двух тенденций: критической зависимости Индии от импорта углеводородов из стран Персидского залива и уже отмеченного стремления укрепить политические связи с арабскими республиками. Нефтяной бум середины 1970-х гг. привел к массовой миграции индийских рабочих в Бахрейн, Катар, Кувейт, Саудовскую Аравию, Оман и ОАЭ. К настоящему моменту в странах Залива живут и работают более 8,5 млн индийцев. Постепенная смена приоритетов началась с начала 1990-х²; правительство Сингха постепенно выстраивало новые отношения с ближневосточными странами, но лишь после победы БДП на выборах в 2014 г. началась реализация политики *Look West*, причем основной акцент делался на развитии отношений со странами Персидского залива, Израилем и Ираном. Из арабских стран Залива Нью-Дели рассчитывает привлечь крупные инвестиции в экономику страны; Израиль, неоднократно выражавший поддержку индийской политике в Джамму и Кашмире, охотно продает Индии современное оружие и высокие технологии. В июле 2017 г. Н. Модии – первый из индийских премьер-министров – посетил Израиль, где подписал ряд соглашений. Тегеран, в свою очередь, рассматривается Нью-Дели как один из ключевых поставщиков энергоресурсов и потенциальный стратегический партнер: в настоящий момент Индия реализует проект транспортного коридора через иранский порт Чабахар, который должен стать южным пунктом маршрута «Север – Юг» и способствовать проникновению индийского капитала в страны

1 Flake et al. 2017.

2 Kumaswamy 2008.

Центральной Азии¹. При этом санкции США против Ирана вынуждают Индию маневрировать, в каждом конкретном случае делая выбор между Тегераном и Вашингтоном.

В регионе *Индийского океана* Индия до конца 1990-х гг. проводила сравнительно пассивную политику, не концептуализируя пространство как таковое и не формулируя свою стратегию в его отношении. В западных СМИ индийский курс того времени получил название «доктрина Индиры», которая, по мнению американских и европейских экспертов, подразумевала в целом неодобрительное отношение к присутствию внешних игроков в Индийском океане и определенное нежелание проецировать силу в регионе, за исключением ситуаций, когда под угрозой оказывалась безопасность Индии. Ситуация изменилась лишь в начале 2000-х гг., когда благодаря высоким темпам роста ВВП Индия смогла позволить строительство мощного флота. Н. Модии, придя к власти, объявил развитие отношений со странами региона Индийского океана одним из приоритетных направлений своей внешней политики². Практическим воплощением этой политики стали инициативы *Mausam*³ и *SAGAR*, призванные вернуть Индии лидирующую роль в регионе, утраченную в результате европейских колониальных завоеваний, а также реализация концепции Индо-Тихоокеанского региона, или Индо-Пацифики, при помощи которой Индия стремится утвердиться в статусе одного из ключевых игроков в регионе Индийского и Тихого океанов, укрепив в то же время связи со странами Юго-Восточной Азии⁴.

Африка, несмотря на неоднократные заявления индийского руководства о намерении развивать сотрудничество с континентом, до сих пор остается второстепенным направлением внешней политики Индии. Это связано прежде всего с дефицитом ресурсов и кадров, не позволяющим Нью-Дели проводить активную внешнюю политику на всех интересующих его направлениях. Индия не может соперничать в Африке с КНР и западными странами, обладающими значительно большими ресурсами, поэтому она концентрирует свои внешнеполитические усилия в странах, с которыми у нее сильны исторические связи (Кения, ЮАР). Основной упор делается на проекты, нацеленные на развитие малого бизнеса, IT-проекты, подготовку кадров и реализацию инфраструктурных проектов совместно с другими внешними игроками (Японией, европейскими странами)⁵.

Вызовы политике Индии

Отношения Индии и Пакистана являются определяющим фактором для региона Южной Азии. Нью-Дели и Исламабад подошли к 1990-м гг. с тяжелым историческим наследием в виде трех полномасштабных войн и нерешенной проблемы принадлежности Кашмира.

Для индийско-пакистанских отношений характерна постоянная конфронтация, то перетекающая во временную «разрядку», то стремящаяся к эскала-

1 Singh 2012.

2 Chaudhuri 2018.

3 Doyle, Rumley 2019, 95–98.

4 Sarma 2020.

5 Lunogelo 2015.

ции. Хрестоматийным примером является визит премьер-министра Индии А.Б. Ваджпай в феврале 1999 г., когда он приехал в Пакистан автобусным рейсом «Амритсар – Лахор» для встречи с премьер-министром Пакистана Н. Шарифом. Успех «автобусной дипломатии» был перечеркнут началом Каргильской войны¹.

Индия подозревает Пакистан в подготовке боевиков, целью которых является осуществление террористических актов на ее территории. Наиболее громким терактом стала атака на Мумбаи, где действия членов террористической группировки «Лашкар-е Таиба», борющейся за освобождение Кашмира от «индийской оккупации», привели к гибели 166 человек². Пакистан же обвиняет Индию в нарушении прав человека на подконтрольной ей территории Кашмира, призывая мировое сообщество вмешаться и оценить адекватность действий индийских властей³.

Последние годы индийско-пакистанские отношения вновь переживают кризис. Лишение особого статуса штата Джамму и Кашмир и преобразование административной единицы в союзную территорию Джамму и Кашмир и союзную территорию Ладакх (что подразумевает прямое управление из федерального центра) в результате отмены действия статьи 370 Конституции Индии⁴ надолго отдалили перспективу урегулирования кашмирского вопроса, от которого зависит динамика индийско-пакистанских отношений.

Китайский фактор – второй, с которым Индии пришлось столкнуться после изменения политического курса. И Китай, и Индия в период после холодной войны расширяли свои сферы влияния, структурируя собственные региональные системы, так что столкновение интересов было неизбежным. До того Индия, с подозрением относясь к китайским попыткам экспортировать маоистскую идеологию и помня о поражении в китайско-индийской войне 1962 г., тем не менее не воспринимала КНР как источник экзистенциальной угрозы. При этом индийское руководство охотно возлагало на Китай вину за развитие движения наксалитов⁵, что снимало с федерального правительства ответственность за неудачи социально-экономической политики в регионах, в которых действуют наксалиты.

В настоящий момент Индия, во-первых, стремится стабилизировать свое пространство непосредственного соседства в границах Южной Азии и региона Индийского океана, гарантировав лояльность малых и средних стран; во-вторых, ищет могущественных союзников в мире, для того чтобы противостоять Китаю. Первая задача решается при помощи двусторонних экономических, политических и военных контактов; вторая – благодаря сближению с великими державами и средними странами, заинтересованными в сдерживании КНР. Проявлением такой политики является, в частности, участие Индии в Четырехстороннем

1 Лунев 2011.

2 "Revisiting the Night of Mumbai Terror Attack: When 10 Pak Terrorists Attacked India's Financial Capital," The Economic Times, November 26, 2019, accessed April 26, 2021, <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/revisiting-the-night-of-mumbai-terror-attack-when-10-pak-terrorists-attacked-indias-financial-capital/articleshow/72235424.cms>.

3 "UN Rights Chief Calls for Major Probe into Kashmir Abuses," The Dawn, June 14, 2018, accessed April 26, 2021, <https://www.dawn.com/news/1414125>.

4 Jeffrey Gettleman, Suhasini Raj, Kai Schultz, and Hari Kumar, "India Revokes Kashmir's Special Status, Raising Fears of Unrest," The New York Times, May 05, 2019, accessed April 26, 2021, <https://www.nytimes.com/2019/08/05/world/asia/india-pakistan-kashmir-jammu.html>.

5 Партизаны-маоисты, действующие на территории Индии.

диалоге по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue, Quad*), в рамках которого Нью-Дели, с одной стороны, пытается наладить контакты с мощными региональными игроками – Австралией и Японией, а с другой – наладить отношения с мощным внешним игроком, Соединенными Штатами, на основе общих интересов. Показательно, что, в то время как в Индии идет напряженная дискуссия на тему целесообразности дальнейшего сближения с США, необходимость сближения с Австралией и Японией под сомнение не ставится: Нью-Дели куда комфортнее вести диалог с региональными державами, нежели с мировым гегемоном.

Индия обеспокоена сближением России и Китая и негативно воспринимает критику концепции Индо-Пацифики, звучащую из Москвы. Политическое непонимание усугубляется недостаточным уровнем развития экономических связей. В общем объеме внешней торговли Индии Россия занимает лишь 2%, по этому показателю Россию обгоняют не только Китай, США и ЕС, но и страны АСЕАН¹. Традиционные сферы взаимодействия – военно-техническое сотрудничество, атомная энергетика и освоение космоса – уже видятся недостаточными для поддержания статуса особо привилегированного стратегического партнерства², поскольку Индия опасается зависимости даже от традиционного поставщика наукоемких товаров и технологий, а потому будет стремиться к диверсификации в данных сферах. Чтобы добиться прорыва в отношениях с Индией, России необходимо представить ей новые горизонты сотрудничества, в противном случае ключевым компонентом российско-индийских отношений станет ностальгия по временам советско-индийской дружбы.

Выводы

Таким образом, Индия, оказавшись в сложной ситуации после окончания холодной войны, сумела полностью перестроить свое позиционирование и свою логику действий. Вместо того чтобы продолжить уповать на утратившее реальное влияние Движение неприсоединения, она сделала ставку на формирование сферы влияния, при этом позиционируя в качестве основного инструмента экономическую интеграцию и искусно сочетая готовность к применению жесткой силы (демонстративно создав ядерное оружие) с образом «доброжелательного гегемона», не угрожающего интересам соседей и берущего под охрану окружающие ее малые страны.

Подобная политика могла сформироваться только в условиях консенсуса элит, что серьезно отличает Индию от многих других стран, включая Россию. Этот консенсус в целом позволяет проводить линию на укрепление индийской позиции в мире, избегая резких поворотов.

Представляет интерес и последовательная ставка на экономику как на базис развития страны. Однако это направление сложно оценить исключительно положительно: индийские политические элиты и экспертное сообщество заведомо воспринимают отношения, лишенные экономического базиса, как неустой-

¹ Галищева 2012.

² Стратегическое партнерство с Индией // МИД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-indiej> (дата обращения: 26.04.2021).

чивые и «неестественные». При этом заслуживает внимания жесткая политика Индии в том, что касается защиты своего рынка (как производителей, так и потребителей). Индийские элиты осознают, что плодами экономического развития можно будет воспользоваться лишь в случае высокого уровня социальной стабильности, а потому опасаются как радикальных внутриэкономических реформ, так и участия в крупных региональных форматах, налагающих на Индию те или иные обязательства.

Остаются актуальными вызовы, доставшиеся в наследство нынешнему политическому руководству страны от биполярной эпохи: конфронтация с Пакистаном в последние десятилетия лишь обострилась в связи с радикализацией определенных слоев населения Кашмира и решительными действиями индийских федеральных властей, а соперничество с Китаем, «всепогодным» партнером Пакистана, перестало ограничиваться территориальными претензиями и вышло на макрорегиональный уровень. В этих условиях все острее стоит вопрос о частичном отходе Индии от политики стратегической автономии и все большей ориентации на сотрудничество с игроками (как региональными, так и глобальными), стремящимися к сдерживанию Китая. России в этой ситуации необходимо поддерживать репутацию самостоятельного игрока, действительно заинтересованного во всеобъемлющем развитии отношений с Индией без оглядки на реакцию Пекина и Вашингтона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белокреницкий, В.Я., Москаленко, В.Н., Шаумян, Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – М.: Международные отношения, 2003. – 368 с.
- Belokrenickij, V.Ya., Moskalenko, V.N., Shaumyan, T.L. *Yuzhnaya Aziya v mirovoj politike*. Moscow: International relations, 2003 [In Russian].
- Брагина, Е.А. Реформы правительства Модии в Индии // Запад – Восток – Россия. – 2016. – С. 85–88.
- Bragina, E.A. "Reformy pravitel'stva Modi v Indii." *Zapad – Vostok – Rossiya* (2016): 85–88 [In Russian].
- Галищева, Н.В. Глобализация индийской экономики: тенденции и перспективы // Вестник МГИМО. – 2017. – № 2 (53). – С. 71–89. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89>
- Galishtcheva, N.V. "Globalization of The Indian Economy: The Main Trends And Perspectives." *MGIMO Review of International relations*, no. 2 (53) (2017): 71–89 [In Russian].
- Галищева, Н.В. СААРК: станет ли ассоциация двигателем экономики Южной Азии? // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 11(640). – С. 32–40.
- Galisheva, N.V. "SAARK: stanet li associaciya dvigatelem ekonomik Yuzhnoj Azii?" *Aziyai Afrika segodnya*, no. 11 (640) (2010): 32–40 [In Russian].
- Галищева, Н.В. Внешняя торговля Индии в 1950–2000-х гг. // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 1 (22). – С. 181–186. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-1-22-181-186>.
- Galishtseva, N.D. "India's Foreign Trade in 1950–2000 Years." *MGIMO Review of International Relations*, no. 1(22) (February 28, 2012): 181–86 [In Russian].
- Галищева, Н.В. Перспективы развития экономики Южной Азии // Международные процес-
- сы. – 2015. – Том 13(3). – С. 40–67. <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.42.3>.
- Galishtcheva, Natalya. "Prospects for a South Asian Economy." *International Trends / Mezhdunarodnye Protssessy* 13, no. 3 (42) (November 29, 2015): 40–67 [In Russian].
- Индия сегодня: справочно-аналитическое издание / под ред. Ваниной, Е.Ю., Горячевой, А.М., Кашина, В.П. и др. – М.: Ариаварта-Пресс, 2005. – 592 с.
- Vanina, E.Yu., Goryacheva, A.M., Kashina, V.P., eds. *Indiya segodnya: spravочно-analiticheskoe izdanie*. Moscow: Ariavarta-Press, 2005 [In Russian].
- Кузык, Б.Н., Шаумян, Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М.: Институт экономических стратегий, 2009. – 1224 с.
- Kuzyk, B.N., Shaumyan, T.L. *Indiya – Rossiya: strategiya partnerstva v XXI veke*. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii, 2009 [In Russian].
- Лунев, С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов // Вестник МГИМО – Университета. – 2010. – № 1(10). – С. 189–201.
- Lunev, S.I. "Vneshnyaya politika Indii vozdejstvie na nee vnutrennih faktorov." *MGIMO Review of International Relations*, no. 1 (1) (2010): 189–201 [In Russian].
- Лунев, С.И. Пакистан или Индия: выбор для России // Международные процессы. – 2011. – Том 9 (2). – С. 112–120.
- Lunev, S.I. "Pakistan ili Indiya: vybor dlya Rossii." *International Trends / Mezhdunarodnye Protssessy* 9, no. 2 (2011): 112–120 [In Russian].

Медовой, А.И., Галищева, Н.В. Экономика Индии. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. – 352 с.
Medovoj, A.I., Galishcheva, N.V. *Ekonomika Indii*. Moscow: MGIMO (U) MID Rossii, 2009 [In Russian].

Юрлов, Ф.Н., Юрлова, Е.С. История Индии. XX век. – М.: ИВРАН, 2010. – 920 с.
Yurlov, F.N., Yurlova, E.S. *Istoriya Indii. XX vek*. Moscow: IV RAN, 2010 [In Russian].

Baru, Sanjaya. *The Accidental Prime Minister: The Making and Unmaking of Manmohan Singh*. New Delhi: Penguin Books, 2014.

Burgess, Stephen F. "India and South Asia: towards a benign hegemony." In *Indian Foreign Policy in a Unipolar World*, edited by Harsh P. Pant, 231–50. London, New York, New Delhi: Routledge, 2009.

Banerjee, Anurang, Chris Rowley, and Rama P. Kanungo, eds. *Changing the Indian Economy: Renewal, Reform and Revival*. Elsevier Science, 2018.

Chaudhuri, Pramit Pal. "The China Factor in Indian Ocean Policy of the Modi and Singh Governments." In *India & China at Sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*, edited by David Brewster, 56–74. New Delhi: Oxford University Press, 2018.

Doyle, Timothy, and Dennis Rumley. *The Rise & Return of the Indo-Pacific*. New York: Oxford University Press, 2019.

Flake, Gordon. et al. "Realizing the Indo-Pacific: tasks for India's regional integration." *Perth US Asia Centre at the University of Western Australia*, 2017. <https://perthusasia.edu.au/getattachment/Our-Work/Realising-the-Indo-Pacific/PU-24-India-Book-WEB.pdf.aspx?lang=en-AU>.

Gray, Colin S. *Nuclear Strategy and National Style*. Lanham, Maryland: Hamilton Press, 1986.

Guha, Ramachandra. *Patriots & Partisans*. New Delhi: Allen Lane, 2012.

Gupta, K.R., Shukla, Vatsala. *Foreign Policy of India*. New Delhi: Atlantic, 2009.

Hobden, Stephen. *International Relations and Historical Sociology: Breaking Down Boundaries*. London: Routledge, 1998.

Hobson, John M. "What's at Stake in 'Bringing Historical Sociology Back into International Relations? Transcending 'Chronofetishism' And 'Tempocentrism' in International Relations." In *Historical Sociology of International Relations*, edited by Stephen Hobden, and John M. Hobson, 3–41. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Zajaczkowski, Jakub, Jivanta Schottli, and Manish Thapa, eds. *India in the Contemporary World: Polity, Economy and International Relations*. New Delhi: Routledge India, 2014.

Varma, Arup, Pawan S. Budhwar, and Rajesh Kumar, eds. *Indian Business: Understanding a Rapidly Emerging Economy*. Abingdon: Routledge, 2019.

Johnston, Alastair Iain. "Thinking about Strategic Culture." *International Security* 19, no. 4 (Spring 1995): 32–64. <https://doi.org/10.2307/2539119>.

Karnad, Bharat. *Staggering Forward: Narendra Modi and India's Global Ambition*. Gurgaon: Penguin, 2018.

Katzenstein, Peter. *Cultural Norms and National Security: Police and Military in Postwar Japan*. Ithaca: Cornell University Press: 1998.

Kennedy, Loraine. *The Politics of Economic Restructuring in India: Economic Governance and State Spatial Rescaling*. London: Routledge, 2014.

Kher, Priyanka. "Political Economy of Regional Integration in South Asia." *UNCTAD*, October 2012. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ecidc2013misc1_bp5.pdf.

Kumaswamy, P.M. "Realism Replacing Rhetoric: Factors Shaping India's Middle East Policy." *The Round Table* 97, no. 397 (August 2008): 575–587. <https://doi.org/10.1080/00358530802207385>.

Lawson, George. "The Promise of Historical Sociology in International Relations." *International Studies Review* 8, no. 3 (Sep. 2006): 397–423. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2006.00600.x>.

Luce, Edward. *In Spite of the Gods: The Rise of Modern India*. New York: Anchor Books, 2008.

Lunogelo, Hoseana Bohela. "India–Africa: Perspectives on Development in Africa–Trade and Investment." *Strategic Analysis* 39, no. 5 (2015): 512–526. <http://doi.org/10.1080/09700161.2015.1069973>.

McCartney, Matthew. *The Indian Economy*. Newcastle upon Tyne: Agenda Publishing, 2019.

Murthy, Padmaja. "The Gujral Doctrine and Beyond." *Strategic Analysis* 23, no. 4 (1999): 639–652. <http://doi.org/10.1080/09700169908455072>.

Ó Tuathail, Gearóid, and John Agnew. "Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy." *Political Geography* 11, no. 2 (March 1992): 190–204. [https://doi.org/10.1016/0962-6298\(92\)90048-X](https://doi.org/10.1016/0962-6298(92)90048-X).

Ó Tuathail, Gearóid. *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. London: Routledge, 1996.

Thakur, C.P., and Devendra P. Sharma. *India under Atal Behari Vajpayee: the BJP Era*. New Delhi : UBS Publishers' Distributors, 1999.

Sarma, Sanghamitra. "India–Vietnam Relations through the Prism of the Indo-Pacific Concept." *Strategic Analysis* 44, no. 4 (2020): 360–377. <https://doi.org/10.1080/09700161.2020.1809213>.

Sharma, Prashant. *Democracy and Transparency in the Indian State: The Making of the Right to Information Act*. Abingdon: Routledge, 2015.

Singh Roy, Meena. "Iran: India's Gateway to Central Asia." *Strategic Analysis* 36, no. 6 (2012): 957–975. <http://doi.org/10.1080/09700161.2012.72886>.

Sitapati, Vinay. *Half-Lion: How P.V. Narasimha Rao Transformed India*. New Delhi: Penguin Books India, 2016.

Sitapati, Vinay. *The Man Who Remade India: A Biography of P.V. Narasimha Rao*. New York: Oxford University Press, 2018.

Tharoor, Shashi, Saran, Samir. *The New World Disorder and the Indian Imperative*. New Delhi: Aleph, 2020.

Hansel, Mischa, Raphaëlle Khan, and Mélissa Levallant. *Theorizing Indian Foreign Policy*. New York: Routledge, 2017.

Wojczewski, Thorsten. *India's Foreign Policy Discourse and Its Conceptions of World Order: The Quest for Power and Identity*. Abingdon: Routledge, 2018.

Сведения об авторах

Алексей Владимирович Куприянов,

к.ист.н., руководитель Группы Южной Азии и региона Индийского океана, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997.

e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Глеб Григорьевич Макаревич,

старший лаборант-исследователь Группы Южной Азии и региона Индийского океана, ИМЭМО РАН, ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997.

e-mail: gmakarevich@imemo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 апреля 2021.

Переработана: 10 июня 2021.

Принята к публикации: 29 июня 2021.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Куприянов, А.В., Макаревич, Г.Г. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // *Международная аналитика*. – 2021. – Том 12 (2). – С. 74–92.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-74-92>

India in the Post-Bipolar World: 30 Years of Searching the Place

ABSTRACT

The article analyzes the tools and mechanisms that Indian elites used to adapt the country's foreign policy to the post-Cold War world order. We describe the internal political development of India over the past 30 years, noting that the general foreign and economic policies remained unchanged due to the political consensus. We analyze the desire of the Indian leadership to form a solid economic foundation, which is perceived in the framework of India's strategic thought as a prerequisite for the country to claim the status of great power. Finally, we discuss the primary imperatives of the Indian external policy, i.e., building a sphere of influence necessary for the polycentric world. It is noted that India's main external security challenges remain the same (China and Pakistan), although they have changed qualitatively: the PRC has become one of the superpowers, overtaking India in terms of economic development, and Pakistan acquired nuclear weapons. We conclude that, on the whole, the Indian elites managed to relatively safely lead the country through the chaos of the post-Cold War world, turning it into one of the largest economies in the world and providing the necessary conditions for raising its status in world politics.

KEYWORDS

India, economy, foreign policy, China, Narendra Modi

Authors

Alexey V. Kupriyanov,

PhD (History), Senior Research Fellow, Head of Group on South Asia and Indian Ocean, Center for Asia Pacific Studies. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences,
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Gleb G. Makarevich,

Senior Research Assistant of Group on South Asia and Indian Ocean, Center for Asia Pacific Studies.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,

Russian Academy of Sciences,

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

e-mail: gmakarevich@imemo.ru

Additional information

Received: April 31, 2021. Revised: June 10, 2021. Accepted: June 29, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Kupriyanov, Alexey V., and Gleb G. Makarevich. "India in the Post-Bipolar World: 30 Years of Searching the Place." *Journal of International Analytics* 12, no. 2 (2021): 74–92.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-74-92>